

спрямованості, зробити популістським гаслом у досягненні політичних цілей, виборюванні якихось корпоративних та спекулятивних інтересів, а з іншого - деякі публіцисти-народознавці наполегливо мітологізують національну ідею, зводячи її до єдності архетипів, до "системи мітологом культури в їх історичному розвитку, що спрямований на досягнення світового рівня", до якогось "месіанського утворення".

9. Національна ідея є формою громадянської, соціальної, національної самоідентифікації, адже "знімає" в собі найсуттєвіші вартості громадянські, соціальні, підносячи їх до рівня загальнонаціональних.

Усі перелічені змістовні засади української національної ідеї, сформульовані як комплекс того, що "має бути", не означають і не мають тлумачитися як загальнообов'язкові для всіх громадян "приписи" чи норми їхньої свідомості та поведінки, нав'язані "згори" певною урядовою установою. Ці імперативи впливають із загальносоціологічних законів, відображають закономірності функціонування суспільної свідомості і стають усвідомленими нацією настановами. Останні через національну свідомість проєктуються на державно-політичному рівні – у внутрішній (зокрема, етнонаціональній) і зовнішній (у тому числі щодо захисту національних інтересів і національної гідності) політиці національної держави; у законотворчій діяльності, функціонуванні демократичних суспільних інститутів; на теоретичному рівні – у численних концепціях, розвідках щодо етнополітики, розвитку етнонаціонального чинника, національної свідомості, освіти, виховання, національного, духовного та економічного відродження тощо; на буденному рівні – в світоглядні, моральні регулятори, систему мисленнєвих образів, норм поведінки та міжособистісного спілкування, інваріанти етнокультурних орієнтацій.

Окреслені вище параметри української національної ідеї засвідчують плідність етнополітологічного та етнодержавознавчого підходів, які в тлумаченні цього духовного феномену наголошують на чинниках націотворення, на загальнолюдських вартостях у поєднанні з національною традицією [3, с. 73-76].

В результаті проведеного дослідження можемо зробити такі **висновки**:

1. Сучасна епоха – епоха національних держав, і принципи їхнього державного устрою, внутрішньої і зовнішньої політики тією чи іншою мірою визначаються національною ідеологією.

Таким чином, перед українським народом постала нагальна потреба відтворення національної ідеї, національного ідеалу. Національний ідеал – це найвища мета національних прагнень. Він визначається глибинними інтересами і потребами нації і є метою національно-демократичних, політичних та ідейних рухів. Для його досягнення потрібні колективні зусилля, активна діяльність всіх членів національного суспільства. Національний ідеал може бути дійовим чинником національних змагань. Національна ідея – це сукупність ідей, система поглядів на об'єднання нації навколо спільної мети, спрямованої на здобуття державності та подальший її розвій. Національна ідея також передбачає забезпечення економічного зростання нації, посилення ролі національної держави в розмішуванні економічних потреб суспільства.

2. Розбудова саме української національної держави обумовлюється перш за все тим, що український народ є визначальним етнокультурним та державотворчим чинником на власній етнічній території. На сучасному етапі розвитку України оптимальною формою організації буття нації може бути тільки національна держава, яка має забезпечити динамічне самовідтворення українського етнополітичного організму. Україна прагне стати національно-демократичною державою. Все це дає підстави оптимістично оцінювати національну ідею як ідеологічну основу національної державності.

3. Національна ідея з своїм позитивним змістом, невичерпними національними потенціалами, глибинними національними цінностями стає чи має стати державотворчим принципом, стимулюючи, зокрема, саме національно-територіальне державотворення, національно-державне будівництво.

4. Отже, національна ідея в державотворчому контексті у всіх країнах одна: мати батьківщину, бути патріотом своєї Вітчизни, бути високоморальним щодо своєї сім'ї, свого громадянського покликання. Національна ідея – це Батьківщина, нація, народ, закон, совість, відданість, порядок. Важливо лише наповнити ці слова конкретним програмовим гуманістичним змістом.

Джерела та література

1. Білорус О., Лисицин Е., Молоствовцева В. Національна ідея і стратегія національної безпеки України // Віче. – 2001. – №9. – С. 3–23.
2. Возняк С.М. Національна ідея як концентрований вияв ціннісних орієнтацій українського народу / Духовні цінності українського народу: Монографія / С.М. Возняк. – Івано-Франківськ, 1999. – С. 63–80.
3. Кресіна І. Людина і нація як цілісна вартість національної ідеї в Україні / Національна ідея – відповідь на виклик часу. Матеріали наукової конференції. – К., 2001. – С. 66–76.
4. Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. – 1997. – № 12. – С. 3–14.
5. Пролєс С.В., Швецова А.В. Сенс нації та феномен національної держави // Культура народів Причорномор'я. – 1999. – №6. – С. 192–199.
6. Римаренко С.Ю. Самовизначення особи, нації, держави (Етнополітичний аналіз). – К., 1999. – 543 с.
7. Тимошенко О.М. Національна ідея як філософсько-культурна парадигма духовного відродження України // Філософська думка. – 1999. – №1–2. – С. 101–118.

Скорин М.Г.

НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ ГРАЖДАН КАК ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

К настоящему времени в крымском сообществе сложилось великое множество нередко противореча-

щих друг другу взглядов на вопрос: Что есть возвращение и обустройство депортированных граждан – восстановление исторической справедливости или отягощающий государство, никому не нужный, кроме самих депортированных, политический процесс, ход которого лишь нарушает истинную справедливость решения сталинского руководства об изгнании представителей некоторых этносов (прежде всего, крымских татар)? Такие противоречия, коренящиеся в сознании крымчан, в ряде случаев приводили к обострению межнациональной обстановки на полуострове; отдельные ситуации такого рода создают угрозу для безопасности жителей Крыма. Эти факты говорят об актуальности данной проблемы, её существенности для настоящего времени. Вполне закономерно, что вопросы, связанные с депортацией и репатриацией крымских татар, привлекли внимание значительного числа исследователей. Следует, однако, подчеркнуть, что конструктивные работы в данном направлении начали проводиться значительно позже самого процесса выселения, поскольку «после депортации в 1941 и 1944 гг. ряда этнических групп, проживавших на территории Крыма, эта тема стала фактически запретной. Любое обращение к ней рассматривалось официальными органами как политически враждебная акция» [3, с. 13]. Именно по причине сравнительной молодости этой проблемы как объекта глубокого документального изучения «комплексного исследования, посвящённого возвращению и обустройству крымских репатриантов, пока не существует. Первым опытом применения такого подхода стала работа Центра регионального развития при Правительстве Автономной Республики Крым (авторы: Ю. А. Прозоров, С. А. Ефимов, А. В. Малыгин, А. Р. Никифоров, В. А. Темненко) "Крымские татары: социальная и этнокультурная адаптация, перспективы интеграции в Крыму", выполненная по заказу Министерства Украины по делам национальностей, миграции и культов. Аналогичная проблема поднята в работе О. А. Габриеляна и В. П. Петрова "Крым. Депортированные граждане: возвращение, обустройство, социальная адаптация"» [3, с. 10-11]. Среди лидеров крымских татар этой проблемой до сих пор занимаются Мустафа Джемилев, Рефат Чубаров, Ремзи Ильясов, Надир Бекиров и прочие активисты национального движения. В статье будет проделано несколько ссылок на работы доктора исторических наук, профессора Николая Фёдоровича Бугая. Его исследования представляют собой особую ценность, поскольку проводились они на базе оригинальных документов и материалов, над которыми автор работал в архивах НКВД-НКГБ СССР, МВД-МТБ СССР.

Цель написания статьи заключается в обосновании идеи о необходимости возвращения граждан, депортированных по национальному признаку, на примере крымскотатарского этноса. Мы постараемся аргументировать своё видение проблемы закреплением за процессом возвращения крымских татар признаков исторической справедливости.

Необходимо отметить, что всякого рода исследования касательно данной проблемы должны иметь под собой строго научные обоснования, но ни в коем случае не обыденные или эмоциональные доводы, часто приводимые сторонниками той или иной концепции.

Как и предполагалось, начнём анализ с определения возможных точек зрения на проблему. Как ни странно, вся их «необъятная», как может показаться на первый взгляд, система в конечном итоге сводится всего лишь к двум (правда, предельно общим, я бы сказал, категориальным) точкам зрения: морально-правовой и социально-политической.

Рассуждения с морально-правовой точки зрения не приводят к каким-либо противоречиям: они однозначно определяют справедливость как понятие о должном, соответствующее определённым представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах. Вывод на редкость очевиден: возвращение и обустройство депортированных граждан как восстановление их некогда отчуждённых прав и составляют историческую справедливость.

Некие разногласия появляются при анализе поднятого вопроса с социально-политической точки зрения. Дело в том, что ряд сторонников этого подхода считают справедливыми только те общественные отношения, которые соответствуют исторической необходимости, отвечающей данной эпохе. Именно такую необходимость они усматривают сегодня в действиях И. Сталина.

Здесь необходимо провести небольшой исторический экскурс – беглый обзор основных этапов национального движения крымских татар, «начало которого восходит к периоду ликвидации Крымского ханства и аннексии его территории Российской империей в апреле 1783 г.» [6, с. 3]. В контексте поставленной темы нас интересуют, прежде всего, взаимоотношения крымских татар с советской властью в отрезке времени 1917–1944 гг. Приведённые ниже исторические факты позволят убедиться в том, что противоречия начались уже с 1917 года...

Итак, «10 декабря 1917 года национальный съезд представителей крымскотатарского народа Курултай провозгласил Крымскую демократическую республику» [6, с. 7], независимость и территориальную целостность которой в борьбе с большевиками попытались отстоять воинские формирования крымских татар. Вполне закономерным явился разгром таких эскадронов «многократно превышающими войсками большевиков Черноморского флота и красноармейцев» [6, с. 8].

После окончательного установления советской власти в октябре 1918 г. на территории Крыма была образована Крымская автономная советская республика, входящая, разумеется, в состав Российской Федерации. Существуют различные точки зрения на этот акт большевиков, одна из которых придаёт ему исключительно «пропагандистское значение» (стремление советских политиков обратить внимание народов Востока на справедливость и правомерность своих действий, тем самым привлекая их интересы к советской власти).

Однако с 1928 г. последовали репрессии – «началось тотальное истребление политических деятелей и интеллигенции крымскотатарского народа. По некоторым оценкам, за годы довоенных чисток было расстреляно или сослано в ГУЛАГ около 10 тысяч крымских татар» [6, с. 9].

Наши рассуждения во времени вплотную приблизились к военному периоду. В сегодняшних условиях дать однозначную оценку постановлению ГОКО №5859сс «О крымских татарах» (от 11.05.1944) чрезвычайно тяжело. Согласимся с тем, что известная степень логики между долей дезертировавших крымских

татар в общей численности представителей этого этноса, призванных в Красную Армию (немногим менее 100%), и выселением как мерой наказания, присутствует. И суждения типа «обвинение в предательстве, действительно совершённом отдельными группами крымских татар, было необоснованно распространено на весь крымскотатарский народ» [2, с. 160] можно вполне считать бесосновательными. Ведь бесспорных фактов военной деятельности отдельных представителей крымскотатарского народа, которые «проводили антифашистскую пропаганду» [1, с. 144], «оказывали помощь партизанам» [1, с. 144] и «храбро сражались и фронте» [1, с. 143], явно недостаточно для полного оправдания того поколения этноса (если вообще возможно говорить о таком понятии, как оправдание конкретного поколения народа) ввиду масштабов дезертирства основной части крымскотатарских призывников. Об этих масштабах говорит крымская статистика: «все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. человек (данные по Крыму – примеч. авт.), в том числе 20 тыс. крымских татар» [8, с. 131], в то время как «в подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар» [1, с. 146]. Повторяю вывод: дезертирство среди крымских татар было практически стопроцентным... Для объективности рассуждений здесь необходимо упомянуть, что некоторые исследователи (к примеру, А. О. Габриелян) считают это утверждение предрассудком, фальсификацией, носившей «явно провокационный характер» [3, с. 59], и интерпретируют его как вымысел Лаврентия Берии, получившего «прямое указание найти подтверждение массового предательства среди крымских татар» [4, с. 8]. Тем не менее, столь дискуссионное заключение о массовом дезертирстве сделано на основе документальных фактов. Совсем иной аспект проблемы – перманентная борьба крымскотатарского этноса с советской властью, его стремление выиграть наконец это противостояние, возлагая надежды на германские власти. Это суждение представляет собой не что иное, как основание или мотивацию перехода на сторону противника, но ни в коем случае не оправдание сотрудничества с немецкими оккупационными властями с точки зрения интересов Советского Союза. И вряд ли представители сформировавшегося в 60-х годах XX в. «радикального крыла Национального движения крымских татар», называвшие «вещи своими именами» [5, с. 29], апеллировали к цифрам и обстоятельствам 1941-1944 гг. – наверняка ядром их обращений к народу была критика современных им аспектов выселения (нарушавшего, безусловно, права народа), а не причин и побудительных мотивов депортации.

Принципиальные споры в исторической литературе связаны с целесообразностью выселения: чем же руководствовался Сталин, подписывая постановление Государственного комитета обороны «О крымских татарах» 11 мая 1944 года? Тяжелейшая война ещё не окончена, а постановление требует отвлечения от потребностей фронта эшелонов (телеграмма Серова и Кобулова на имя Берии (20.05.1944) констатирует привлечение в двухдневный период с 18 по 20 мая 1944 г. 67 (!) эшелонов) и человеческих ресурсов («для проведения акции по выселению наркому Внутренних дел и наркому Госбезопасности предписывалось...командировать в распоряжение соответствующих органов Крыма 5 тыс. оперативных работников, выделить для обеспечения операции 20 тыс. человек внутренних войск и с этой целью направить 11 стрелковых полков и батальонов» [7, с. 7]). Кроме того, осуществлялись командировки комиссий из представителей политической и военной элиты;

- выделения Наркомторгом СССР значительных объёмов продуктов питания для спецпереселенцев на пути следования;
- привлечения медицинского персонала, столь необходимого на фронте (Наркомздраву СССР было поручено выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами одного врача и две медсестры с соответствующим запасом медикаментов);
- подготовки автотранспорта для перевозки спецпереселенцев посредством мобилизации транспорта любых предприятий и учреждений;
- наделения прибывающих спецпереселенцев приусадебными участками и оказания помощи в строительстве домов местными стройматериалами;
- выдачи Сельхозбанком ссуд на строительство домов и хозяйственное обустройство до 50 тыс. руб. на семью, с рассрочкой до 7 лет.

Колоссальные масштабы отвлечения экономических и социальных ресурсов от военных целей, приоритетных для СССР в 1944 году!

Тем не менее, И. Сталин усмотрел необходимость депортации по национальному признаку представителей крымскотатарского, греческого, болгарского, армянского и других этносов (им были предъявлены те же обвинения). Попытаемся и мы принять вышеуказанную точку зрения и допустить правомерность «аргумента необходимости». Но тогда в наши дни, проживая в демократическом правовом государстве, мы должны признать осуществление исторической необходимости и за процессом возвращения и обустройства депортированных граждан! Ведь верховенство права и приоритетность моральных, гуманных принципов, гарантированных государством, в сегодняшних реалиях есть не что иное, как историческая необходимость, а соблюдение этих норм недвусмысленно подразумевает возвращение и обустройство депортированных. Рассуждая таким образом, можно предположить, что аналитики, рассуждающие с точки зрения «аргумента необходимости», не осознавая последних тезисов, вступают в противоречие с самими собой.

Резюмируя вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что приведённые аргументы позволяют говорить о возвращении и обустройстве депортированных граждан как о восстановлении исторической справедливости.

В завершение посмотрим на проблему с точки зрения современного крымского сообщества, что позволит привести ещё один аргумент в пользу инициирования государством процесса возвращения депортированных граждан. В этой связи существенна мысль В. И. Ленина, высказанная им в труде «О праве на-

ций на самоопределение»: «Возьмём позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением» [9, с. 129]. Аналогия следующая: в соответствии с этим тезисом властным структурам Украины, начавшим осуществление программы по возвращению и обустройству депортированных граждан, не следует прерывать этот процесс, поскольку менталитет требовательного и свободолюбивого крымскотатарского народа сумеет оценить этот шаг власти как «угнетение» этноса, что вполне может затормозить гармоничное развитие остальных народов на территории Крыма вследствие неминуемой политической дестабилизации. В этом контексте мы вынуждены согласиться с мнением Рефата Чубарова, который не сомневается «в том, что процесс возвращения крымских татар на родину – необратимый процесс» [10, с. 57].

Во избежание дестабилизирующего сценария развития крымского сообщества следует иметь в виду и другой принцип В. И. Ленина, вытекающий из его вышеприведённого суждения: «...есть только одно решение национального вопроса...и это решение – последовательный демократизм.

Источники и литература

1. Бугай Н. Ф. Л. Берия И. Сталину: Согласно Вашему указанию... – М.: «АИРО-XX», 1995.
2. Бугай Н. Ф. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений... Лаврентий Берия – Иосифу Сталину // История СССР. – 1991. – №1.
3. Габриелян О. А., Ефимов С.А., Зарубин В.Г., Кислый А. Е., Мальгин А. В., Никифоров А. Р., Павлов В. М., Петров В. П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство.– Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1998.
4. Габриелян О. А., Петров В. П. Крым. Депортированные граждане: возвращение, обустройство, социальная адаптация.– Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1997.
5. Говорит Мустафа Джемилев. Доклады на сессиях и конференциях Курултая крымскотатарского народа. 1991–2001 гг. – Симферополь: «Оджакъ», 2001.
6. Джемилев М. Национально-освободительное движение крымских татар. – Симферополь: «Оджакъ», 2003.
7. Ильясов Р. И. Крымские татары: краткий обзор прошлого и анализ социально-экономического положения настоящего. – Симферополь: Крымчупедгиз, 1999.
8. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарий / Сост. Бугай Н. Ф.– М.: Дружба народов, 1992.
9. Ленин В. И. Избранные сочинения.– Т. 6.– М.: Издательство политической литературы, 1985.
10. Якупова В. А. Крымские татары, или Привет от Сталина! – Казань: Часы истории, 2001.

Сурнина Е.С.

ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ РАСХОДОВ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ В СООТВЕТСТВИИ С НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

После введения Положений бухгалтерского учета (далее ПБУ) значительно изменились подходы к определению и порядку признания расходов от реализации винодельческой продукции. Эти вопросы представляются достаточно важными для предприятий винодельческой промышленности, поскольку от суммы и момента их признания будет зависеть размер финансового результата отчетного периода.

Целью работы является рассмотрение различных подходов к определению момента признания расходов в соответствии с национальными стандартами бухгалтерского учета.

В экономической литературе не выработано единого подхода к определению расходов как объектов учета. Вопрос же о порядке их признания в соответствии с требованиями новых национальных стандартов практически не исследован.

Согласно ПБУ 1 и 3 расходы – это уменьшение экономических выгод в виде выбытия активов или увеличения обязательств, которые ведут к уменьшению собственного капитала (за исключением уменьшения капитала за счет его изъятия или распределения собственниками). Таким образом, расходы могут быть связаны с увеличением обязательств (например, начисление заработной платы персоналу) или с уменьшением активов (например, производственных запасов при их списании в производство). В данном случае эти операции должны сопровождаться уменьшением собственного капитала, так как суммы начисленной заработной платы персоналу или списанных материалов на производство продукции будут признаны расходами периода только тогда, когда произведенная продукция, в себестоимость которой они вошли, будет реализована. При этом данные расходы уменьшат такую составляющую собственного капитала как прибыль.

Английские экономисты ЭС. Хендриксен и МФ. Ван Бред [5, с.195], такой подход считают неправильным. Это обосновано тем, что собственный капитал определяется как разность между активами и обязательствами. Следовательно, один элемент определяется с позиции другого, который сам не определен. При этом английские экономисты дают следующее толкование категории расходов. Расходы представляют собой неблагоприятное движение ресурсов, уменьшающее прибыль фирмы. Однако, не любое неблагоприятное движение является расходом. Более точно, расходы – это использование или потребление товаров и услуг в процессе получения дохода. Очевидно, что и в определении, приведенном в национальных стандартах, и в определении английских экономистов под расходами подразумевается одно и то же. Определение зарубежных экономистов более точное, так как наглядно иллюстрирует связь расходов с доходами и таким образом определяет, что порядок отражения расходов определяется порядком признания свя-